

Миражи / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Миражи / рассказ МИРАЖИ

1.

Как и многие в ту весну, я потеряла работу. Директор заставил уволиться половину сотрудников и, конечно, не выплатил никакого пособия. Тем, кто пришел качать права, он проревел, что и копейки не даст просто так. После унижительной перепалки меня затошнило, я забрала все увольнительные справки и побрела домой. Бухнулась на кровать и провалялась всю неделю с температурой на нервной почве. Тогда и задумала поехать к сестре – отлежаться в родном городке, пока пандемия не кончится. Заранее предупредить хозяйку квартиры не получилось. Повезло, что вернула депозит, хотя для этого пришлось запугать её налоговой. После осмотра квартиры она достала из кошелька пачку денег и по одной купюре выложила на тумбочку. Напоследок пожелала больше со мной не встречаться. Не люблю театр, а театральщину не переносу. Поэтому ещё до того, как я добралась до Ярославского вокзала, мой стыд перерос в здоровое самоуважение – отстояла-таки свои кровные.

Если честно, я боялась не заражения, а безденежья, которое маячило в перспективе. Поэтому решила не рисковать с поиском работы во время массовых сокращений – нормальную зарплату не найти, а вот аренду платить придется. А мне чуть-чуть оставалось накопить на ипотечный взнос. Я планировала устроиться на удалёнку в московскую фирму и какое-то время работать из дома сестры. В городке из родственников осталась только она и её сын. Родители несколько лет назад перебрались на юг и открыли ферму, потом хостел к ней пристроили. Вирус в первую очередь задушил их бизнес. Поэтому помощь я могла ждать только от сестры. Обсуждать оплату с ней долго не пришлось, сошлись на том, что я на свои покупаю продукты и готовлю обеды. От денег она отказалась.

Заражённых на наш городок набиралось всего ничего – человек двадцать. Это по статистике, конечно. Тем не менее, в первую неделю самоизоляции бары и торговые центры, как и в Москве, были закрыты. Немного погодя их открыли снова. Контроль на въезде в город оставили. Местные машины пропускали, а чужие тормозили и проверяли температуру. С высокой разворачивали обратно. При этом поезда ходили по старому расписанию, и никого из приезжих не останавливали. Так я и попала в город. Надо сказать, он лучше не стал за два года моего отсутствия. Двадцать минут пешего пути я проехала на такси почти за пятнадцать, собирая с водителем каждую выбоину.

Со мной были все мои пожитки. Ксюша – так зовут мою сестру – спустилась, чтобы помочь их занести. Увидев её, я перепугалась. К моей наивности, я ожидала увидеть её конфеткой – в сравнении с фотками в инстаграме она выглядела болезненно и потрёпано. Это не выходило у меня из головы, пока мы поднимались.

В лифте Ксюша без стеснения обсматривала меня и чему-то улыбалась. Поняв, что я не поведусь на провокацию, она, наконец, сказала:

- Что это за мешок от картошки на тебе?
- Это лён. Очень хорошая ткань для тёплой погоды.
- Это у вас в Москве мода на мешки?
- А у вас на полиэстер?

Она протянула своё коронное «мда-а-а» и отвернулась.

– Я завтра к гадалке иду. Пойдешь со мной? – спросила Ксюша, как только захлопнула за нами входную дверь.

В девяностые все подсаживались на Кашпировского, а теперь, в пандемию, хватаются за местных шарлатанов.

– Я не верю в гадалок, – сказала я.

Но Ксюша не хотела идти одна и принялась меня обрабатывать.

– А вот и зря. Мне мать этой гадалки чирии вывела. Ты наверно не помнишь? Мне лет семь было, а тебе девять получается.

– Как она вывела-то?

– Монетой по телу водила. Так ещё надавливала на болячки, бр-р, – Ксюша передернулась. – Шептала что-то всё время. И через

два дня чирьев не было. По-любому сглаз был. Но бабка та уже умерла.

– Ну, это же самовнушение, как с «арбидолом» или гомеопатией. Некоторым помогает.

– Да просто сходи со мной, если не хочешь гадать. В прихожей подождёшь. Ты что с сестрой прогуляться не можешь?

Она так умело скорчила гримасу, что пришлось согласиться.

Для моих вещей выделили одну полку в комод и три вешалки в шкафу. Мне хватило, но как-то взгрустнулось от этой компактности.

– О, что это такое? – Ксюша потянула из шкафа мою блузку и засмеялась – на ней висел ремешок, похожий на портупею. – Ты что, с блузкой это носишь? На работу?

– Она выглядит прилично. Проходит по плечам и вдоль талии.

Её смех было не остановить. Я пошла на кухню что-нибудь поесть. Нашла борщ и «альпен гольд». Пока я кушала, Ксюша померила ремешок и выпросила его завтра на работу.

– Шоколадку только мне оставь, а, – прибежала она. – Ну я, конечно, не знала, что ты такая извращенка.

– Сама же этот ремень завтра напялишь.

– Мне это для важного дела, Пашу обольстить.

– Это который пропал после первого свидания?

– Ну, допустим, пропал. Чё ты такая вредная вообще? Не так всё было. Он меня в кино водил, от собаки защищал. Я на него погадать хочу.

Ксюша указала взглядом на пустую вазу, стоящую в центре обеденного стола:

– Как думаешь, хорошая ваза?

На ней схематично были изображены ромашки. Однотонный фон. Краска на соцветиях с блёстками.

– Ну, простенькая.

– Паша подарил. После первого свидания, – передразнила она меня. – Как думаешь, сколько стоит?

– Меньше двух точно.

– Катька с работы сказала, что в фикспрайсе такие за триста рублей.

– Ну, она преуменьшила.

Мы доели шоколадку и легли смотреть телевизор. Через пару музыкальных клипов Ксюша засопела. Одно одеяло на двоих – значит, ночью будет прохладно. Лишний раз не повернешься, чтобы не разбудить. Хорошо, что в детстве у нас были отдельные комнаты. Обхватив двумя руками подушку, я считала, сколько денег и на что могу тратить, пока не устроюсь на работу. Кто примет сметчика по скайп-собеседованию? Мужика, что ли, щедрого найти? Противные они все. Да и больше отдашь, чем получишь.

2.

Квартира у гадалки была трёшка, что удвоило мой скептицизм – неплохо она наварилась на дураках. Меня посадили в прихожей около трюмо на стульчик, специально поставленный для ожидающих и сопровождающих. Стульчик стоял у стенки, а в стенке торчала розетка, через которую всё было слышно.

– Я бы хотела на мужчину и на работу... Ну, как обычно.

«А я-то думала, она впервые после чириев в этой квартире».

Гадалка зашептала что-то похожее на молитву. Из всех её слов я чётко расслышала только «аминь» в конце.

Зашуршали карты.

– Так. Вижу, что на работе проблемы.

– Да-да, точно.

– От коллектива негатив. Не помирились ещё с девчонками?

– Да это же гадюшник. Помнишь, я же тебе говорила, их бесит, что я худая... Мы когда снимаем куртки, со мной никто не идет. Пока укутанные в шубы были, всю зиму ходили вместе. Начинается период более открытый, всё – я иду с работы одна. Они просто ноги в руки и вперед – убегают.

«Что за бред», – подумала я, тёткам в её коллективе лет по сорок.

– А повышения не видно?

– Не вижу, Ксюш. Не в ближайшие месяцы.

– Жа-аль. А с мужчиной? – слышно было, что она заулыбалась.

– Как зовут?

– Да всё тот же. Паша.

– Покажи фото ещё раз.

Какое-то время Ксюша искала его фотки.

– Ох, я говорила, бесполезно с ним. Он ни рыба ни мясо.

Ксюша заскулила, выпрашивая надежду.

– Давай так. Пригласи его в гости в ближайшие две недели. Если придёт, то сложится. Не придёт – забудь.

Ксюша вышла из комнаты. За ней Тамара.

– А подруга твоя не созрела? – слащаво посмотрела она на меня.

– Я и не собиралась.

– Не бойся. Никаких страшных ритуалов я не делаю. Работаю только со светлыми силами.

Ксюша начала подначивать и толкать меня в спину. Мне всё-таки было любопытно, поэтому я поддалась.

Тамара пригласила сесть за стол. На нём была расстелена тёмно-зелёная ткань, плотная, как у занавесок. По левую руку клиента – икона Божьей матери и лампадка. По правую – две коробки с колодами и одна маленькая с визитками.

– Вот, запиши себя и сегодняшнее число, – на столе появился журнал, похожий на школьный, с расчерченными полями. На раскрытой странице уже было несколько записей. Я внесла чужую фамилию.

Она снова прочла что-то похожее на молитву. И даже сидя с ней за одним столом, я всё равно расслышала только «аминь». Тамара взяла самую тонкую из колод и разложила все карты без остатка в несколько рядов.

– Вот, порча на тебе, – ткнула она пальцем на карту «Смерть».

– Завистники твои. Её можно убрать, тебе нужно ко мне ещё три раза прийти, я ритуал проведу.

– Сколько стоит?

– Пятнадцать тысяч.

«А это уже наглость! Бессовестная тётка!»

– Но ведь вы разложили всю колоду, там в любом случае выпала бы Смерть, – я старалась говорить дружелюбно. Она смотрела в ответ непроницаемым взглядом. И так продолжалось достаточно долго – Тамара не сподобилась хоть как-то выкрутиться! Просто приняла позу дерева.

– Пока нет таких денег. Я подумаю ещё, – наверно, мне стало

жалко её, и я подыграла.

– Возьми визитку, – улыбнулась она.

Я положила на стол пятьсот рублей и молча вышла.

Ксюша, конечно, заметила что-то неладное между нами и слёту завела светскую беседу с Тамарой. Хотя можно было, попрощавшись, просто уйти.

– Как думаете, надолго у нас этот вирус?

– Ксюша, всё будет хорошо, – загадочно улыбнулась она, – был у нас и свиной, и птичий грипп, ничего, выжили.

«Всё-то она знает!» – меня распирало от злости, и я, не дожидаясь конца беседы, вышла в подъезд.

Через какое-то время спустилась и сестра. Я ей рассказала про эту порчу.

– Ой, слушай, ну ты и зануда. Думаешь всегда, что ты самая умная. Я тебе говорю, это работает. У меня у самой колода есть. А ты не хочешь – не верь.

Город мошенников и детей. Не удивлюсь, если эти мошенники сами как дети и верят в своё правое дело.

3.

Мы разошлись с сестрой каждая при своём мнении. Она поехала на завод, а я пошла в ближайший супермаркет за продуктами. После этого сеанса меня всё раздражало: скрипучая тележка, медленные тётки в проходе, некачественные продукты на прилавках. Приличное мясо здесь в магазинах найти невозможно. Как и торты, сыр и хлеб. Мама говорила, что на сто граммов сыра уходит литр молока. Поэтому килограмм не может стоить четыреста рублей. Вернее, может, если в этом килограмме нет сыра. Пластмассовый, неглубокого цвета лжесыр местной расфасовки, укутанный в пищевую пленку с лейблом магазина. Даже с деньгами здесь есть нечего. Разметок, предупреждающих о соблюдении дистанции, у касс тоже не было.

«Какая смешная пошлость!» – подумала я, увидев перед собой на кассовой ленте бутылку вина, коробку конфет и упаковку презервативов. Всё это покупал мужчина на вид лет тридцать с хвостиком. Пиццу заказал хотя бы – конфетами сыт не будешь.

Не успела я заложить в рукав для запекания курицу с картошкой, как домой влетела Ксюша:

– У нас девка в смене ковидом заболела. Всю смену на карантин отправили. Вот коза, всем ходила говорила, что у неё ОРВИ, тра-та-та, а у неё пневмония уже была! Заражать приходила. Капец теперь.

– Если тебе, то и мне. Но гадалка же нам болезни не прогнозировала? Значит всё норм, – мы посмеялись. В аптеку я всё же сходила и купила раствор «оки» для полоскания горла. Не понадобится сейчас – пригодится в сезон простуд. Ксюша на рынке взяла чеснока. Решили взять и бутылку вина, раз такая пляска.

Пока я разливала, сестра уже сидела и мерила температуру. Перед первым тостом не забыла сфоткать вино с бутерами, пока все целое и красивое. И опять вспомнила свою любимую тему. Паша, Паша, Паша...

– Как думаешь, если я в статусе поставлю, что на карантине, он напишет?

– Не напишет. Он уже сколько не пишет сам? Полгода?

– Ну а что со мной не так? Другой бы, не думая, воспользовался.

– С тобой не так – твои иллюзии. Может, недостаточно нравилась. Или реально влюблён в кого-то.

– А-а-а! Что мне делать? Он такой красивый.

Она полезла в телефон, чтобы показать его фото. Это оказался тот самый парень с джентельменским набором из универмага. Конечно, я ей об этом сказала. Конечно, она заплакала. Но я никак не ожидала, что её это не остановит:

– Ну, может это так, на одну ночь?

– А он приносил что-нибудь с собой, когда приходил на чай?

– Нет.

– А той-то бабе закупился. Вот и делай выводы.

– Это тебе нужно, чтобы кто-то платил, чтобы быть с тобой. По любви не можешь, поэтому и одна.

Хотя Ксюша зажевала последние слова, понимая, что перегнула, меня всё равно задело.

– А сама-то не в повара влюбилась, а в айтишника! Был бы он дворником, ты бы нос воротила. И эту квартиру тебе муж оставил, ты не отказалась.

– Он ребёнку нашему оставил.

– А ребёнок сейчас у бабушки. Ты им деньги какие-нибудь отсылаешь? У тебя работа есть, а они на одной картошке сидят.

– Всё. Отлично посидели, спасибо тебе. Я спать, – Ксюша гордо ушла в комнату.

На этом наша пьянка закончилась.

Она легла спать, а я откликнулась на все удалённые вакансии для сметчиков (то есть всего на четыре). Слева от клавиатуры лежал чёрный бархатный мешочек с надписью «TAROT». Я спросила «найду ли я работу» и вытащила карту. На ней было изображено сердце, проколотое тремя мечами, и дождь. Через минуту поиска в Яндексe нашла описание. Карта, в целом, нехорошая. Меня это расстроило, и неважно было, верила я в это или нет.

4.

Утром мы с сестрой не разговаривали, и она не притронулась к приготовленной мною каше – почти час висела с кем-то на телефоне, пока не позвонили в дверь. Это медсестра в белом защитном костюме пришла брать анализ. Передала Ксюше какие-то приспособления и объяснила, как самой взять мазок из горла.

– Вы тоже не болейте, – сказала ей Ксюша после процедуры.

– Да я уже всё, отстрелялась, – и неестественно засмеялась.

– И как?

– Больно, но ничё.

Я так и не поняла, отчего было больно. Медсестра ушла.

– Там каша стынет, пошли есть.

– Да, сейчас.

Так, за пару слов, мы помирились.

– Катька, прикинь, что говорит. Мэр наш съездил в Москву к любовнице, заразился там, а потом поехал ветеранов поздравлять. Щёлкался с ними, обнимался. Фотки теперь по всей сети ходят. С температурой же приехал! Его-то вчера увезли на вертолете в эту же Москву. А у нас даже ивл нет.

– Кому нужны его поздравлялки? Деньги бы перечислил ветеранам. И не заразил бы как раз.

Ксюша так и не села за стол. Взяла литровую банку с водой и подошла к горшкам на подоконнике.

– Я написала Паше вчера, – как будто между делом сказала она.

– Зачем?

– В гости приглашала. Написала, что на карантине, но не болею. А у него мама болеет, он не может прийти. Думаю, может, сходить к нему, поддержать?

– Ты дура что ли? Он к бабе какой-то вчера ходил, какая мама! После этого уже стоило замолчать, чтобы не было потом стыдно.

– Ну как можно так жить? Верить всяким гадалкам, вранью последнему? Да как ты ещё жива осталась? Как на работу ходишь? Ва-а-бще больше не заикайся мне про него. Какой смысл тебе что-то говорить? – я и не заметила, что стучала кулаком по косяку. – Где вообще логика? У тебя работа, квартира, ребёнок, муж даже был, а в голове ве-тер.

Сестра отвернулась от горшков и ошарашенно посмотрела на меня. На её футболке во весь корпус серебристым бисером блестела звезда.

– Ты чего психуешь? И не буду больше заикаться. А ты просто завидуешь. Да, не только у таких умных, как ты, есть квартира. А мне может приятно влюбляться и страдать, хоть какой-то смысл в жизни появляется. Не то что у тебя.

Я смогла выдавить «извини», но весь вечер мы всё равно провели в полнейшей тишине.

5.

Мало мы разговаривали и в оставшиеся дни карантина. А как он закончился, Ксюша вышла на работу, хотя результат теста так и не прислали. Тогда всё и закрутилось самым неожиданным образом. На заводе ей сказали, что у Паши умерла мать от вируса. Ксюша написала ему что-то и на следующий день пошла в гости, прихватив с собой оливье в контейнере. А через два дня осталась у него ночевать. А ещё через день я уехала в Москву, так как с удалёнкой ничего не вышло. Согласилась здесь на

первую попавшуюся работу. В ипотеку, кстати, влезть удалось, и я тут же переехала в студию в новостройке. Электричка в пешей доступности, есть парк немаленький, фитнес-центр.

Ксюша один раз позвонила и сказала, что переезжает к Паше. Я шутя посоветовала много вещей не перевозить, чтобы не таскать обратно. Она обиделась, и с тех пор мы пока не разговаривали. В новостной ленте у меня всплывают её фотографии с букетами, ресторанными столами и сцепленными кистями. Всё у них, конечно, не так розово и блестяще, как они показывают. Да и у меня на душе сухота. Одно радует – можно укутаться одеялом, и никто его не стянет.

Об авторе: АЛЕНА БЕЛОУСЕНКО

Прозаик. Родилась в городе Удомля Тверской области в 1992 году. Окончила экономический факультет Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова и Литературный институт им. А.М.Горького (семинар Михаила Лобанова). Рассказы и повести опубликованы в журналах «Наш современник», «Подъём», «Полымя», «Волга – XXI век», «День и ночь», «МолОко» и других изданиях. Лауреат фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» (2015), ежегодной премии сайта «Российский писатель» в номинации «Новое имя» (2015), победитель конкурса-фестиваля «Во славу Бориса и Глеба» (2016). Член Союза писателей России. Живёт в Москве. Некауалар